

(Изъ Убѣжища душевно-больныхъ Казанскаго Губернскаго
Земства).

Случай смѣшенія яркаго лихорадочнаго сновидѣнія съ дѣйствительностью.

Д-ра Н. И. БОНДАРЕВА.

Ординатора при кафедрѣ душевныхъ болѣзней Казанскаго Университета.

Сновидѣнія въ жизни простаго народа играютъ довольно большую роль. Это наблюдалось, какъ въ прошлыя историческія времена, такъ равно и въ настоящее время. Имѣются не только люди, толкующіе значеніе сновъ, но даже спеціальныя руководства сонники. До сихъ поръ не только низшій, но даже и средній классъ населенія ставитъ свои поступки въ зависимость отъ видѣнныхъ сновъ. Особенно ярко это замѣтно у лицъ съ невысокимъ интеллектомъ и у душевнобольныхъ.

Кацовскій описалъ случай въ которомъ ученикъ городского училища 16 лѣтъ отъ роду убилъ своего учителя, при чемъ идея объ убійствѣ возникла у него благодаря сновидѣнію, въ которомъ онъ съ необыкновенной яркостью увидѣлъ, что, поссорившись съ учителемъ, онъ убилъ его. *Транезниковъ* описалъ другой случай, гдѣ душевно-больной свои поступки подчинялъ видѣннымъ имъ сновидѣніямъ. *Наске* говорить, что у неврастениковъ, истеричныхъ и алкоголиковъ нерѣдко случается переносъ содержанія сновидѣній въ бодрствованное состояніе. Это можно объяснить тѣмъ, что у истеричныхъ и неврастениковъ повышены внушаемость, ослаблены оцѣнка и интеллектуальный контроль. Все это обуславливаетъ

то, что возникшія во снѣ представленія не отвергаются послѣ пробужденія, но принимаются въ расчетъ при обсужденіи и возникновеніи волевыхъ импульсовъ.

Душевнобольные очень часто находятъ въ сновидѣніяхъ источникъ бреда или объясненіе для своихъ неясныхъ бредовыхъ идей, или даже сновидѣнія даютъ имъ основаніе ложно судить о фактахъ дѣйствительной жизни. Громадное значеніе сновидѣній для дальнѣйшаго развитія психозовъ указалъ *Baillarger*. Въ послѣднее время этимъ вопросомъ занимались *Simon, Marro* и *Féré*. Изъ нихъ *Marro* указалъ на то, что при ослабленіи вниманія образы фантазіи смѣшиваются съ явленіями дѣйствительной жизни.

Разсматривая развитіе бредовыхъ идей у душевнобольныхъ, *Кацовскій* говоритъ, — такъ какъ сонъ есть ни что иное, какъ калейдоскопъ пережитыхъ ранѣ представленій, а бредовая идея, возникающая послѣ сновидѣнія, носить яркій опредѣленный характеръ, то отсюда нужно сдѣлать выводъ, что не сонъ является причиной бредовой идеи, а та конституція, тѣ представленія, которыя, сгруппировавшись во время сна и принявъ яркую форму, дали толчекъ къ развитію бредовой идеи. Такимъ образомъ для развитія бредовой идеи одного сновидѣнія недостаточно, а необходима патологическая конституція больного съ ослабленной критикой и пониженнымъ вниманіемъ.

Въ описываемомъ нами случаѣ имѣется тоже связь между сновидѣніемъ и тѣмъ бредомъ, который возникъ у душевно-здороваго мальчика въ періодъ какого-то лихорадочнаго заболѣванія.

Этотъ случай интересенъ тѣмъ, что мальчикъ свой яркій сонъ перенесъ въ дѣйствительность и искренне убѣжденъ въ его достовѣрности. Мы здѣсь не имѣемъ ни признаковъ душевнаго расстройства, ни ясно выраженной истеріи, а лишь незначительныя дегенеративныя явленія.

Правда въ литературѣ имѣются указанія на перенесеніе сновидѣній въ дѣйствительную жизнь, но всѣ они въ случаяхъ у душевно-здоровыхъ продолжались не болѣе нѣсколькихъ дней.

Мальчикъ увидѣлъ сонъ въ концѣ декабря 1914 года, а въ апрѣлѣ 1915 года оцъ рассказывалъ о немъ какъ о достоверномъ фактѣ съ замѣтной эмоціоной окраской.

Въ газетѣ „Камско-Волжская Рѣчь“ отъ 31 декабря 1914 года появилась слѣдующая статья:

„Болѣзнь или преступленіе?“

(Загадочная исторія).

На улицѣ Малый Кобуй, въ Ягодной слободѣ проживаетъ съ семьей домовладѣлецъ Егоровъ. У него есть сынъ—девятилѣтній мальчикъ Викторъ.

Наканунѣ Рождества мальчикъ ушелъ гулять съ товарищами съ утра и, къ удивленію родителей, возвратился домой уже когда стемнѣло; при этомъ мальчикъ имѣлъ какой-то растерянный видъ, весь дрожалъ и находился въ сильно возбужденномъ состояніи.

Будучи заняты приготовленіемъ къ празднику, родители не обратили вниманіе на сына, но когда оцъ былъ замѣченъ въ томъ же состояніи на другой и на третій день, то родители обезпокоились и стали спрашивать мальчика, что съ нимъ, однако ничего добиться не могли.

Мальчикъ отмалчивался; его посылали гулять, но это не помогало. Наконецъ, мальчикъ не выдержалъ и 29 декабря бросился въ матери на грудь и, рыдая, повѣдалъ слѣдующую невѣроятную исторію.

Гуляя съ товарищами наканунѣ Рождества, они встрѣтили шедшаго неизвѣстнаго мальчугана, на видъ лѣтъ 12, одѣтаго въ черное пальто, черную шапку и бѣлые съ красными „мушками“ валенки. Съ этимъ мальчуганомъ у нихъ

произошла ссора, во время которой товарищ Егорова, сынъ чернорабочаго съ фабрики Алафузова, Федоръ Королевъ, 14 лѣтъ, выхватилъ изъ кармана большой ножъ и ударилъ неизвѣстнаго мальчугана въ грудь. Тотъ упалъ мертвымъ.

Сначала мальчики страшно перепугались, но затѣмъ собрались съ духомъ и рѣшили скрыть преступленіе. Взявъ убитаго мальчика, они отнесли его на рукахъ за версту отъ мѣста происшествія въ ближайшій лѣсокъ и закопали въ спѣгу среди молодого ельника... Этотъ то случай такъ сильно и повліялъ на Виктора. Выслушавъ страшный рассказъ сына, мать сообщила о немъ мужу и они рѣшили заявить о случившемся полиціи. Началось дознаніе. Мальчикъ Викторъ былъ допрошенъ оффиціально и категорически подтвердилъ все рассказанное матери, при чемъ назвалъ по имени и фамиліи всѣхъ своихъ товарищей, участниковъ и свидѣтелей убійства. Однако, когда мальчики были допрошены сыскной полиціей, то въ одинъ голосъ опровергли заявленіе Виктора Егорова, Федоръ же Королевъ, на котораго Викторъ указалъ какъ на убійцу, заявилъ, что въ этотъ день (т. е. 24 декабря) онъ находился съ отцомъ въ городѣ. Далѣе, когда полиція осмотрѣла мѣсто убійства и лѣсокъ, гдѣ будто-бы зарытъ трупъ мальчика, то не только трупа, но даже никакихъ слѣдовъ отъ пребыванія здѣсь людей не оказалось. Но Викторъ и на передопросѣ категорически продолжаетъ утверждать, что все рассказываетъ вѣрно. Въ настоящее время у полиціи возникло подозрѣніе, что мальчикъ страдаетъ психозомъ на первой почвѣ и потому предполагается передать его врачамъ психіатрамъ для испытанія“.

31 декабря мальчикъ Егоровъ былъ помѣщенъ родителями въ Убѣжище душевно-больныхъ Казанскаго Губернскаго Земства, гдѣ и находился до 27 января 1915 года.

При приѣмѣ психическое и физическое состояніе больного было слѣдующее: ростъ достаточный, питаніе ослабленное

кожа и слизистыя блѣдны, подкожная жировая клетчатка развита недостаточно. Рефлексы съ конъюнктивъ отсутствуют, носовой непостояненъ, глоточный усиленъ, кожные выражены умѣренно. Болевая, термическая и тактильная чувствительность распредѣлена равномѣрно. Имѣются явленія дермографизма. Суженія поля зрѣнія на бѣлый цвѣтъ въ обоихъ глазахъ нѣтъ. Изъ дегенеративныхъ признаковъ можно отмѣтить неправильно разставленные зубы и нѣсколько углубленное небо. Жалуются на рѣзкую головную боль, головокруженіе и слабость. Со стороны внутреннихъ органовъ патологическаго ничего не отмѣчается, кромѣ незначительныхъ малокровныхъ шумовъ. Температура при приѣмѣ нѣсколько повышена— $37,4^{\circ}$.

Психически мальчикъ былъ угнетенъ, плакалъ, замѣчалась нѣкоторая внушаемость, благодаря чему факты преступленія получили при разспросахъ нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ это изложено въ репортерской замѣткѣ.

Такъ, по газетной замѣткѣ мальчики случайно встрѣтили проходившаго мальчугана съ которымъ К—въ поссорился и ударилъ его ножомъ. При поступленіи же въ Убѣжище Е—въ рассказали, что еще 23 декабря они уговорились убить „неизвѣстнаго“ мальчугана. Да и самое преступленіе по словамъ Е—ва вовсе не носило случайнаго характера, а они мальчика связали по рукамъ и ногамъ, заткнули тряпкой ротъ и, обжавивъ грудь въ области сердца, ударили туда ножомъ, отчего мальчикъ быстро умеръ. Затѣмъ они вырыли яму глубиною въ два аршина и закопали трупъ. При многократныхъ разспросахъ не удалось выяснитъ, звалъ онъ раньше убитаго или нѣтъ. Одинъ разъ онъ говоритъ, что когда то раньше убитый жилъ у нихъ на квартирѣ, другой разъ, что онъ однажды игралъ съ нимъ въ бабки, третій, что онъ только знаетъ, гдѣ жилъ убитый. Но оказалось, что онъ и этого не знаетъ, такъ какъ водилъ полицію по городу, указывая чуть ли не на каждый домъ. Далѣе при разспросѣ онъ сказалъ, что видѣлъ даже въ окно, какъ К—въ отмывалъ запачканныя въ крови руки. Но оказалось, что это совершенно невозможно, такъ какъ въ дому К—ва окна не выходятъ во дворъ Е—ва, а дома стоятъ рядомъ и отдѣлены другъ отъ друга холодными постройками.

Опуская эти противорѣчивыя детали преступленія, у Е—ва все время сохранено твердое убѣжденіе, что преступленіе совершено К—вымъ въ елочникѣ 24 декабря 1915 года.

Изъ разспросовъ родителей узнаемъ, что Е—въ очень скромный, способный мальчикъ, хорошо учится въ школѣ, съ товарищами живетъ мирно, никогда съ К—вымъ не ссорился. Родители не замѣчали, чтобы онъ раньше читалъ рассказы объ убійствахъ или зналъ объ нихъ изъ газетъ. Строго установить гулялъ ли 24 декабря Е—въ не удалось, но можно предполагать, что сидѣлъ въ этотъ день дома, такъ какъ былъ сильный морозъ, вѣтеръ и мятель. Его товарищи, на которыхъ онъ указываетъ, какъ на соучастниковъ преступленія въ этотъ день съ нимъ не играли и даже его не видѣли. На вопросъ, не рассказывали ли они Е—ву когда нибудь страшныя истории они въ одинъ голосъ это отрицаютъ.

Съ 25 декабря родители Е—ва стали замѣчать, что мальчикъ грустенъ, вялъ, жалуется на головную боль, много плачетъ и не идетъ играть на улицу. По ночамъ замѣтили, что спитъ безпокойно, вскакиваетъ съ постели, жалуется на головную боль. Родители рѣшили, что мальчикъ простудился и обратились къ домашнимъ противопростуднымъ средствамъ. Но вотъ 29 декабря мальчикъ со слезами рассказалъ матери страшную исторію.

Привожу здѣсь копіи полицейскихъ протоколовъ.

Копія.

ПРОТОКОЛЬ

1914 года декабря 29 дня, помощникъ пристава 6 части г. Казани Елистратовъ составилъ настоящій протоколъ въ слѣдующемъ: сего числа въ 9 часовъ вечера старшій городской Викторовъ доложилъ мнѣ, что постовымъ городовымъ Мясниковымъ получено словесное заявленіе отъ Казанской мѣщанки Александры Васильевны Егоровой, проживающей въ Ягодной слободѣ по улицѣ Малый Кокуй, въ своемъ домѣ, что сынъ ея Викторъ 9 лѣтъ сего же числа вечеромъ сообщилъ ей, что мальчикъ Федоръ Королевъ, въ сочельникъ передъ вечеромъ играя на ямкахъ близъ елочника, поссорился съ проходившимъ мальчикомъ и ударилъ его два раза склад-

нымъ ножемъ, послѣдній яко бы свалился, послѣ чего Королевъ съ другимъ мальчикомъ неизвѣстнаго пораненаго мальчика унесли въ елочникъ, гдѣ его закопали въ снѣгъ, а потому, прибывъ въ домъ Егорова, по существу заявленія произвели дознаніе, при чемъ опрошенные нижепоименованныя лица показали:

1) Сынъ Казанскаго мѣщанина Викторъ Ивановъ Егоровъ, что въ сочельникъ 24 декабря около 4-хъ часовъ дня онъ, играя съ другими мальчиками, Федоромъ Королевымъ и Иваномъ Петровымъ и Александромъ Васильевымъ на ямкахъ близъ елочника и кирничныхъ сараевъ, въ это время изъ города дугами по дорогѣ проходилъ мальчикъ, какъ онъ узнаетъ, по имени Анатолій, какъ фамилія не знаетъ, а живетъ гдѣ то въ Пороховой слободѣ, раньше жившій на квартирѣ у нихъ Егоровыхъ и съ этимъ мальчикомъ Анатоліемъ, когда онъ поравнялся съ ними, Королевъ поссорился, а потомъ изъ кармана досталъ складной ножъ и ударилъ ножемъ два раза въ грудь Анатолію послѣ чего Анатолій свалился и умеръ, а Королевъ съ Иваномъ Васильевымъ взяли и унесли его въ елочникъ и зарыли въ снѣгъ, а имъ пригрозили объ этомъ никому не говорить, почему онъ такъ долго никому ничего не говорилъ.

2) Мать Егорова Александра Васильевна Егорова показаніе Виктора подтвердила и добавила: объ этомъ узнала только вечеромъ 29 сего декабря, первоначально подумала, что сынъ ея это видѣлъ во снѣ, а потомъ пошла и заявила постовому городовому; Викторъ все время на праздникѣ былъ дома, по ночамъ не рѣдко были случаи—въ просонкахъ съ постели вскакивалъ, почему она и думаетъ, что Викторъ все это видѣлъ не иначе, какъ въ просонкахъ; по ночамъ сталъ вскакивать съ постели недавно, раньше ничего съ нимъ не было.

3) Сыновья крестьянина Лаишевскаго уѣзда, Черновской вол., дер. Павловки, Иванъ 14 лѣтъ, Александръ 12 лѣтъ и Петръ 11 лѣтъ Веселовы, проживающіе въ Ягодной слободѣ по улицѣ М. Кокуй въ своемъ домѣ, что на ямкахъ въ сочельникъ 24 декабря никто изъ нихъ не былъ и раньше играть туда не ходили, съ Королевымъ и Егоровымъ въ этотъ день также не были и ихъ совѣтъ даже не видали, драки никакой не видѣли и ничего не знаютъ, кромѣ показать ничего не могутъ.

4) Мать Веселовыхъ—Матрепа Васильевна Веселова, что дѣти ея всѣ трое, какъ она хорошо помнитъ, въ сочельникъ передъ вечеромъ нигуда не ходили и находились дома.

5) Сынъ мѣщанина г. Лаишева, Федоръ Александровъ Королевъ 14 лѣтъ, проживающій въ ягодной слободѣ по улицѣ Малый Кокуй въ домѣ Петрова, что въ сочельникъ 24 декабря днемъ нигуда изъ дома не выходилъ, кромѣ какъ со своимъ отцемъ, Александромъ Королевымъ, ходили въ городъ, гдѣ были съ 3-хъ до 6¹/₂ часовъ вечера; днемъ какъ Егоровыхъ, такъ и Веселовыхъ не видалъ и нигдѣ съ ними не былъ, а до сочельника все время работалъ на лѣсопилкѣ. Больше показать ничего не имѣеть, никакого мальчика Аватоля онъ не знаетъ и ни съ кѣмъ ссоръ какихъ-либо также не имѣлъ.

6) Отецъ Королева Александръ Захаровъ Королевъ, что сынъ его Федоръ по буднямъ помогаетъ ему работать на лѣсопилкѣ, а въ сочельникъ на лѣсопилкѣ не работалъ, съ 3 хъ до 6¹/₂ часовъ вечера ходилъ съ нимъ въ городъ за покупками, что можетъ подтвердить квартирантъ ихъ Николай Федоровъ.

7) Крестьянинъ Лаишевскаго уѣзда Гирповской волости дер. Серебрянки Николай Ивановъ Федоровъ, проживающій въ ягодной слободѣ по ул. М. Кокуй, домъ Петрова, въ квартирѣ Корнева, что въ сочельникъ 24 сего декабря самъ Королевъ со своимъ сыномъ Федоромъ, такъ съ 2-хъ до 6¹/₂ часовъ вечера, ходили въ городъ за покупками, а до этого Федоръ былъ дома. Больше показать ничего не можетъ.

Постановилъ: объ изложенномъ записать въ настоящій протоколъ, который представить по принадлежности.

Помощникъ пристава (подпись не разборчива).

Копія.

ПРОТОКОЛЬ.

1914 года декабря 29 дня, помощникъ пристава 6 части гор. Казани, Елистратовъ составилъ настоящій протоколъ въ слѣдующемъ: согласно заявленію Казанской мѣщанки Александры Егоровой сего числа въ 11 часовъ вечера приглашали двухъ нижеподписавшихся лицъ (понятыхъ) и въ присутствіи мальчика Виктора Егорова по указанію послѣдняго отправились въ находящейся между Ягодной и Козьей слобода-

ми елочникъ, для производства розыска зарытаго въ сѣту мальчика; по тщательному осмотру того мѣста елочника не менѣе 50 сажень, гдѣ указалъ мальчикъ Егоровъ, ничего обнаружено не было, кромѣ того мальчикъ Егоровъ, мѣсто, гдѣ якобы зарытъ неизвѣстный мальчикъ, указываетъ по своему неразвившемуся уму очень смутно и неопредѣленно, большею частью повторяетъ тѣ слова, что усялшить изъ разговора присутствующихъ при осмотрѣ лицъ, такъ случай былъ по его рассказамъ около елочника и кирпичныхъ сараевъ, а указываетъ, гдѣ зарытъ былъ мальчикъ, совершенно въ противоположной сторонѣ по дорогѣ, ведущей изъ Ягодной въ Козью слободу.

Поставилъ: объ изложенномъ записать въ настоящій протоколъ.

Помощникъ пристава

Правильность изложеннаго въ настоящемъ протоколѣ подтверждается, при осмотрѣ елочника присутствовали: Казанскій мѣщанинъ Халіулла Файтуллинъ, проживающій въ Ягодной слободѣ по Царевококшайской ул. въ домѣ Соловьева и кр. Казанскаго уѣзда Алатской вол., Авенъ Беваръ Афанасій Денисовичъ Максимовъ проживающій по Царевококшайской ул. въ д. Момрова. За неграмотностью Халіуллы Файтуллина и за себя расписался Афанасій Максимовъ и Иванъ Николаевъ, Егоровъ старшій городской Викторовъ,

Помощникъ пристава

Разсматривая данный случай, мы прежде всего должны рѣшить, не имѣется ли здѣсь случай патологической лжи. У истериковъ часто полеты фантазіи бываютъ такъ ярки, что они сами начинаютъ вѣрить въ правдоподобность ихъ, а затѣмъ придумываютъ и доказательство своей справедливости. Но про данный случай мы этого сказать не можемъ. Патологическая ложность у дегенерантовъ проскальзываетъ на каждомъ шагу, а Е—въ за время своего пребыванія въ Убѣжищѣ оставилъ о себѣ самое, въ этомъ отношеніи, лучшее воспоминаніе. Что касается истерической подкладки даннаго случая, то опять таки здѣсь мы не находимъ достаточныхъ данныхъ, чтобы сказать, что

у Е—ва рѣзко выраженная истерія, но все же нельзя отрицать наличности у Е—ва главного истерического фактора — это внушаемости; возможно что внушаемость имѣла здѣсь известное значеніе. Обративъ вниманіе на то, что у мальчика была повышена температура, можно думать о *delirium febrile*.

Однако, это допущеніе необходимо оставить, такъ какъ при лихорадочномъ бредѣ обычно бываетъ помраченіе сознанія, расстройство способности ориентироваться, обманы органовъ чувствъ. По разсказу родителей у Е—ва ничего этого не было.

Анализируя разсказъ мальчика, мы видимъ, что онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ яркихъ эпизодовъ, которые Е—въ пытается связать въ одно цѣлос, вотъ почему детали преступленія такъ сильно варьируютъ. По своему характеру такое построеніе очень напоминаетъ сновидѣніе; обыкновенно сновидѣніе состоитъ только изъ отдѣльныхъ эпизодовъ, а связь между ними и мелкія детали обыкновенно ускользаютъ. Человѣкъ, желая передать видѣнный сонъ, всегда въ точности передаетъ отдѣльные эпизоды сновидѣнія, но часто варьируетъ въ деталяхъ, невольно дополняя связь между отдѣльными звеніями сновидѣнія при помощи воображенія. Тоже самое мы видимъ и въ разсказѣ мальчика. Онъ хорошо помнитъ крупныя факты преступленія и, не зная мелочей, варьируетъ въ деталяхъ. Возможно, что подъ вліяніемъ повышенной температуры какого-то инфекціоннаго заболѣванія (повидимому инфлюэнцы) при нѣсколько ослабленной конституціи и наличности внушаемости у мальчика было повышено критическое отношеніе и онъ принялъ яркое сновидѣніе за дѣйствительность.

Въ заключеніе приношу глубокую благодарность проф. В. П. Осипову за его руководство и поддержку, которыми я пользовался при разборѣ и описаніи давняго случая.